

АЖЛ
Антология Живой Литературы

АЖЛ

Антология Живой Литературы

ГОЛОСА В ЛАБИРИНТЕ

«СКИФИЯ»
Санкт-Петербург
2019

ББК 84 (2Рос=Рус)6
УДК 82.32
Г61

Серия: Антология Живой Литературы (АЖЛ)

Серия основана в 2013 году
Том 13

Редактор-составитель **НАРИ АДИ-КАРАНА**

Г61 Голоса в лабиринте: антология. / Ред.-сост. Нары Ади-Карана. — СПб.: ИТД «Скифия», 2019. — 448 с. — (Антология живой литературы. АЖЛ).

ISBN: 978-5-519-68446-0

События, люди, явления — существуют, пока мы их помним. Но, если «материя — есть объективная реальность...», то память — реальность субъективная, глубоко индивидуальная, часто придуманная, хотя, может быть, гораздо более важная.

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) — книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира. Публикация происходит на конкурсной основе.

Издательство приглашает авторов к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки на конкурс принимаются по адресу электронной почты: **skifiabook@mail.ru**.

Подробности условий конкурса можно прочитать на сайте издательства: **www.skifiabook.ru**.

*В оформлении обложки использована картина
Ирины Муравьевой-Пушник «Свет и тень»*

ББК 84 (2Рос=Рус)6
УДК 82.32

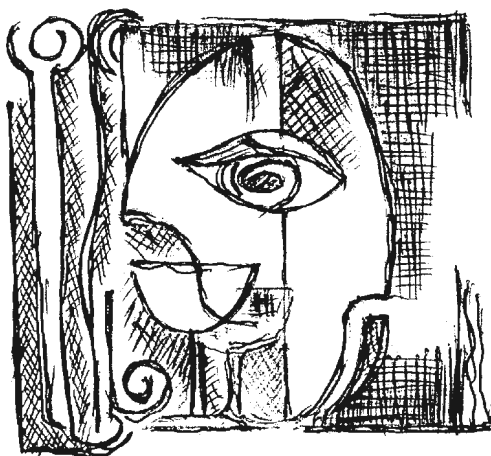
ISBN: 978-5-519-68446-0

© Составление. ООО «ИТД «Скифия»», 2019
© Оформление. ООО «ИТД «Скифия»», 2019

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена без письменного разрешения владельца авторских прав.

Между снов и ветров

Содержание цикла:

Игорь Чернавин 7

Амид Ларби 40

Евгений Скрипин 49

Виктор Мудролюбов 77

Игорь Трофимов 93

Артем Домченко 112

Сергей Ерёменко 134

Игорь Чернавин

г. Санкт-Петербург

1975-1982: студент физфака ЛГУ с глубоким погружением в литературу (особенно — американскую). Писать начал в 1976 году. С 1982 — геофизик, кастанедовец и андеграунд.

Из интервью с автором:

Цель этого цикла — через проживание текста читателем предъявить ему возможность альтернативного взгляда на повседневность и ее реальность, как вариант части «пути внутри себя».

1. К богу и наискосок

Весна, глухая стена желтоватого дома напротив. Дом — как бельмо на глазу, но в нем при этом живут. Комната — эти обои ее, два накривь-вкось косяка, еще картина про стену в окне и два ствола от деревьев. Клочок от неба над крышей соседнего дома — как без конца оно светится серым. И не понять, куда смотрит. В нем есть и перетекания, больше и меньше, по самой мягкости их понимаешь — все и само расплзется.

Сон за пределом реального. Просто сказать — так не хочется жить, но организм-то пока существует, и есть сознание о прошлом, и недоумение — это сознание о настоящем. Есть часть сознания о том, что должно было б быть не в этом сером объеме, но — ускользает все время. Пространство вокруг свернулось, я как-то сам это сделал — я не включен ни во что дальше взмаха. «Глобус» сторел, нет ролей для актеров. Я — есть, и был — что я-есть, и есть — что буду.

По углам над перекрестком, как над объемной открыткой, как будто нависли тени. «Курская улица по городу идет, Курская улица на запад нас ведет...» — в страну По-пиву, в страну совсем небольшую, где в ряд четыре ларечка. Там, правда, рядом всегда «марсианские хроники», что допились до хронической стадии бога войны, но я смогу их «не видеть». Банка холодная и день прохладный, хоть по-апрельски и светлый, стыло, но лень застегнуться. Плащ на мне, будто на вешалке, стыдно, но ничего не поделать. Книжный магазинчик — в окне обложка альбома с лицами очень серьезных блондинок, а под ними крупными буквами «Овощи». Мизантропия хихичет, многое хочет добавить. Мысленно ей отвечаю — «В них есть хорошее, что не находит дороги». В другом окне неприятный плакат, на нем Эйнштейн показал свой язык — что-то я, правда, не понял, с чем-то хотел бы поспорить.

Я вышел из магазина продуктов и смотрю под ноги, разницу я замечаю не сразу — вместо потока машин по Лиговке мимо идет Крестный ход. Странность дала зрению линзу. Вот первый ряд, человек на пятнадцать, поравнялся со мной — и все попы в позолоте до пяток, и все несут — будто флаги, хоругви. Но это ладно, я вдруг замечаю поверху, что лес совсем не редет — молча, идет их ударная сила — может, рядов двадцать пять — с бородами. Каждые метров пятнадцать спиной к тротуару стоит по менту. Позолочен-

ные чувствуют мое внимание, и я встречаю их взгляды. Через совсем небольшой интервал от попов идут толпой христиане — тоже у многих иконы. И, вообще, само тело колонны, теперь прихожан, уже существенно мрачно, сами их взгляды недобры. Вот кто-то жутко хромает, вот даже катят коляски с блажными. Эти вокруг мало смотрят. Этот поток, так и есть, подлиннее — я вижу спину моста над Обводным, там все вползает, колышется масса — идет от блеклого неба. А золоченые ушли уже за квартал, я вспоминаю их лица — интеллигентные вроде бы люди. Куда они все пошли — ведь через пару кварталов заводы — там и гулять некайфово, а до Московского все ноги стопчут. Они идут за «эффектом плацебо». Но, наконец, их ряды поредели. Хоть кто-то верит не в деньги, Крестный ход, он страшнее, чем Крестный.

Я ухожу во дворы, здесь спокойно — нету ни ветра, ни шума — солнце рассеяло все-таки дымку, после зимы первый раз обогрело. И я вхожу, ухожу в это теплое поле. Воробьи дико галдят надо мной, а вот — пытаются и размножаться. Гляжу на них, как котят. Может быть, это назвал бы я богом — когда вокруг все благое. Мысленно я провожу эти линии — от моей комнаты до этой точки, я шел навстречу толпе, развернулся, но, все же, важное мне направление иное — наискось, к этому тоже.

На детской площадке в оправе кустов я присел на скамью — а где еще посидеть, есть сквер для взрослых, но он вплотную к проспекту — там сплошной гул от машин, невозможно. Здесь могут «заментовать» меня с пивом, мамочки начнут кричать про куренье, но, если что, я согласен. Перед скамейкою лужа, можно сидеть только с края. Напротив мама с ребенком лет двух, но молодая — не страшно. Мальчик в голубеньком комбинезоне стоит, держа лопатку как саблю. Тихо, может, смогу отойти от нагрузки. Мальчик пошел возле края площадки — как-то смешно наклонившись всем телом, ноги почти не сгибая: top-top — «...топает малыш».

С треско-шипением открылась банка в ладони — я смотрю на руку, и я сочувствую ей — надо ж, вот так пахла, что заскорузла, не чувствует банку, болят суставы на пальцах. Но заказ сделал, неплохо. Даже в душе пустота, «непонятка» — как без станка и без камня. Перед ногами стеклянно блестели песчинки.

Что-то меня привлекло, и я вздрогнул. В метре напротив стоял тот ребенок, причем смотрел «не по-детски». Крутые щеки на

круглом лице, чуть заострявшемся книзу, круглые очень большие глаза — серая радужка, цвета титана, черный зрачок, тоже круглый. И ни малейших эмоций. Ну и давно ли он тут..., я не слышал. Шапочка кругло лицо окружила, и даже пальчики — как из кружочков. Одно внимание. «Кто ты...» — Спросил я его про себя. Он не ответил и не шевельнулся. — «Дух у тебя, точно, есть, это видно...» Молчит и смотрит. Он даже не шевельнулся. «Вон уже мать твоя к нам зашагала. Кстати, а ты во что веришь...» — Он повернулся, пошел через лужу — и от меня, и от мамы. Все же сложна топология в нашем пространстве.

2. Матрешки

Ноги идут в переулок, где куст сирени усыпан цветами. В темно-зеркальном стекле — меня нет, только безликая личность меж очень длинных подтеков — полубезобразен, обезразличен. В каплях воды отражается лишь настоящее на настоящем. Как изменилось лицо за последние годы — стало совсем уже странным. Капли воды на стекле собираются в струи и бегут вниз — все изменяют, пытаются смыть, только у них не выходит. Пустой парадняк — я стою так, скрестив ноги, и я курю, слушая шорох его, глядя на ставший уже сильным дождь. Высокая дверь квартиры невдалеке — вход в смутный мир, затаивший дыхание, где нищета и достоинство грязи. Как постовой возле их мавзолея, я вписан в раму проема-коробки. Но мне не нравится цвет этой рамы — он половой, мрачно-ржавый, впрочем, и фон — удаляюще-серый, и даже место — ну что за портрет, если я справа и сбоку. Кто меня вставил, чтоб так рассмотреть — взвесь из дождя и нависшая туча. Поверх бордового мутного зданья и я смотрю на нее, но, что ей нужно — не вижу.

Я не спешу, но я занят — есть еще то, что пульсирует в прошлом, на чем пора, но пока не сумел, наконец поставить точку, иначе мне никогда до конца не уйти и из небольшого кафе, из того утра и ноты, не перестать быть таким вот...

...Я поднимаю глаза от стола и смотрю на лицо, и я живу им. Нет бога круче Ван-Гога — мне даже вновь начинает казаться — где-то я видел такую картину — такой портрет из мазков — цен-